

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**Е. В. Морозова,
И. В. Мирошниченко**

**«Инвесторы политического
капитала»: социальные сети
в политическом пространстве
региона**

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Morozova_2009_2.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

"ИНВЕСТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА": СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко

СЕТЕВОЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Сила метафоры — в постоянном балансировании между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом, в сохранении ассоциативного потенциала сферы-источника для характеристики объектов в сфере-мишени [Чудинов 2001]. Метафорика товарно-денежных отношений все чаще используется при концептуализации российской политической действительности. Исходный стимул к использованию понятия "капитал" для исследования социального и политического пространства дали П.Бурдьё [Бурдьё 1993] и Дж.Коулман [Коулман 2004]; в отечественной науке исследователями предложены различные варианты операционализации понятий "социальный капитал" и "политический капитал" [Радаев 2002; Галкин 1998; Шматко 1997; Барсукова 2004].

Используя наработки предшественников, мы попытались продолжить строительство метафорической конструкции по следующей логике: социальные сети являются главными "производителями" социального капитала, все виды капиталов конвертируемы, социальный капитал может быть конвертируем в политический — каким образом? И как, следуя метафорическому моделированию, определить специфику роли социальных сетей?'

В последнее время в политической жизни появились многие явления, не вписывающиеся в объяснительные концепции традиционных парадигм. Как справедливо утверждает Л.Сморгунов, сетевой подход в политической науке является отражением не столько споров, которые ведутся между адептами различных теорий, сколько ответом на изменения условий, в которых осуществляется управление общественными делами [Сморгунов 2005:236]. Это - своего рода "концепт-зонтик", интегрирующий, вбирающий в себя другие подходы, прежде всего плюрализм и корпоратизм, позволяя анализировать всю гамму взаимоотношений между государством и группами интересов [Панов 2006: 75]. Эвристичность сетевой методологии объясняется, прежде всего, ее широкой эмпирической применимостью, дающей выход на междисциплинарные теоретические обобщения. Дифференциация методических приемов эмпирического исследования социальных сетей в современном социально-гуманитарном знании основывается на интеграции качественных и количественных методов. Эти последние разрабатывались на основе математических концептов и были реинтерпретированы в терминах линейной алгебры, теории графов и теории вероятностей, а затем — адаптированы для решения

МОРОЗОВА Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления

1 П.Бурдьё ссылается в своей работе на Грамши, который назвал политических, в частности, профсоюзных функционеров "банкирами людей в режиме монополии" [Бурдьё 1993: 211].

широкого круга социологических и социально-экономических задач, связанных с анализом сетевых структур и их индикаторов, изучением когнитивных процессов и преобразованием структур при переходе из одной семиотической системы в другую (путем построения графов), а также временных изменений подструктур в виде последовательности дискретных состояний (с помощью регрессионного анализа и анализа временных рядов) и т.д. [Градосельская 2004].

Операционализация и измерение социального капитала — задача сложная в любом контексте, будь то западные демократии или развивающиеся общества, только вступившие на путь демократизации. Методология и методика исследований социального капитала до сих пор является предметом серьезных дискуссий и разногласий среди ученых. На сегодняшний день исследований, характеризующих развитие социального капитала в современных западных обществах, достаточно много, однако применимость понятия "социальный капитал" и его измеримость до сих пор остаются спорными вопросами. По утверждению Дж.Л.Твигга, который одним из первых зарубежных исследователей попытался измерить социальный капитал в чрезвычайно разнородном российском обществе, "...приложить эту концепцию к России — значит вступить на 'минное поле', таящее в себе еще более коварные ловушки интеллектуального и практического свойства" [Твигг 2003: 213]

Всплеск интереса к изучению социального капитала российского общества, который возник в середине 1990-х годов у отечественных и западных исследователей, был определен трансформационными процессами и поиском механизмов, способствующих развитию гражданского общества и публичной сферы в целом. В 1995-2005 гг. в ИСП РАН была осуществлена серия научных проектов, направленных на исследование перемен в институциональных средах и общественных практиках на макро- и микроуровнях российского социума, роли и значения социального капитала в институциональной трансформации [Патрушев 2006: 6]. Ряд авторов анализировали элементы социального капитала в их взаимосвязи [Кертман 2006; Рукавишников и др. 1998]. Однако большинство работ, выполненных с позиций сетевого подхода, носят, скорее, постановочный характер. Многие ученые, описывая социальный капитал, использовали для интерпретации анализ вторичных данных эмпирических исследований. Как отмечает Р.Роуз, подавляющее большинство опросных данных, используемых для измерения социального капитала, не удовлетворяют методологическим требованиям, поскольку, как правило, эти данные берутся из опросов, которые преследовали другие цели, и "модифицируются" другими учеными, конструирующими индикаторы социального капитала [Rose 2000: 1421 -1435].

Ограниченность количественных подходов в исследовании социального капитала компенсируется возможностями качественных методов сетевого анализа, которые заложены методическими принципами "понимающей социологии" М.Вебера. Суть ее — в изучении и интерпретации образцов типичного социального поведения индивидов, формирующего социальную реальность. Исследователи, опираясь на качественные методы (опрос, жизнеописание, анализ прессы), выходят за рамки анализа акторов и типов их взаимодействий в сетевых структурах, акцентируя свое внимание на стратегиях сетевого взаимодействия, обмена ресурсами и реконверсии имеющихся капиталов для создания новых форм, способствующих успешной адаптации и развитию (инди-

видуальных, групповых и институционализированных) сетевых акторов в новых социальных/культурных/экономических/политических условиях [Шматко 1997; Блом и др. 2005; Алексеенкова 2007].

Актуализация субъектности социальных сетей способствует возникновению позитивных и негативных экстерналильных эффектов в политическом пространстве. Позитивные сетевые эффекты связаны с процессом формирования и развития гражданского общества посредством мобилизации социального капитала горизонтальных сетевых структур. Развивая традиции, заложенные Р. Патнэмом, ряд зарубежных исследователей проецируют проблему гражданского участия на социальные сети незападных политических систем и развивающихся по пути демократии обществ [Krishna 2002; Levi 1996], выделяя ряд позитивных сетевых эффектов.

Это, во-первых, формирование собственно политического участия, в качестве которого рассматривается голосование на выборах. Сетевые эффекты электорального поведения проявляются в зависимости от плотности и интенсивности социальных связей. При этом, чем ниже уровень выборов, тем больший интерес проявляют избиратели к голосованию, тем выше явка. Вместе с тем на муниципальном уровне, как правило, побеждает тот кандидат, который в большей степени включен в различные социальные сети (межсетевое взаимодействие).

Во-вторых, это степень гражданского участия в принятии общественно-политических решений. В данном случае сетевые структуры активно формируют политическую повестку дня, обсуждая те или иные проблемы муниципальных образований и регионов. Одним из способов является участие в избирательных кампаниях в качестве волонтеров, когда представители социальной сети не только мобилизуются для "продвижения" своего кандидата, но и мобилизуют участие членов других социальных сетей, тем самым агрегируя и артикулируя свои интересы на выборах. Другой способ - использование контактов с представителями органов исполнительной и законодательной власти, политическими лидерами; в-третьих, через протестную активность в виде митингов, петиций и т.д.

Однако следует согласиться с мнением Ш. Бермана: ни сам по себе социальный капитал, ни социальные сети высокоорганизованного гражданского общества не обеспечивают демократического участия, т.е. позитивного экстерналильного эффекта в сфере политики. Более того, они могут порождать антидемократические движения, например, тоталитарные, как это было в случае с гражданским обществом Веймарской республики [Berman 1997]. Возможность реализации политического капитала гражданского общества может определяться природой и потенциалом медиативного агента, в качестве которого традиционно выступают политические институты (политические партии). Исследователи, анализирующие незападный политический процесс, выдвигают идею об альтернативных формах медиативного действия, способствующих активизации политического капитала социальных сетей в зависимости от конкретного контекста и сформулированной миссии [Лукин 2005].

В случае ослабления политических партий и иных институционализированных структур способность социальных сетей выдвигать эффективные требования и санкционировать действия властей остается ограниченной. Кроме того, отсутствие дееспособных медиативных агентов ведет к негативным экстерналильным эффектам актуализации социальных сетей в политическом процессе. Впо-

следствии в интерпретации М.Олсона данные эффекты были определены как "негативный социальный капитал" или социальные связи, препятствующие политическому и экономическому процветанию государства [Алексеевкова 2007]. Их можно свести к четырем аспектам "тенефикации" политики:

1. Рекрутирование элит на основе местных сетей, когда представительство интересов сводится к включению в процесс принятия решений членов социальных сетей путем обретения ими бюрократического капитала. Тогда горизонтальные сетевые взаимодействия, основанные на доверии, могут трансформироваться в патрон-клиентарные формы, где доверие выстраивается уже на основе иерархических принципов "авторитет-подчинение". К ним мы можем отнести криминально-мафиозные фуппировки, тюремные сообщества и патрон-клиентарные отношения в политике, столь распространенные в "плотных" сетевых обществах. Е. Алексеевкова определяет данные процессы как "этологические практики социального взаимодействия", которые существенно влияют на процесс интеграции социальных сетей и формирование в них властной иерархии на основе ритуализации поведения. При этом ритуал выполняет несколько функций: запрета на борьбу между членами группы; удержания членов групп в замкнутом сообществе; отграничения этого сообщества от других подобных групп [там же].

2. Установление "особых правил игры" представителями социальных сетей, которые имеют "точки доступа" к властным ресурсам. Под "особыми правилами игры" подразумевается переплетение формальных и неформальных норм и правил, при определяющей роли последних, и использование вне-легальных практик представителями органов власти для реализации своих "публичных" функций. Возникновение вышеописанных практик можно рассматривать в контексте характерного для ряда переходных обществ феномена "деформализации правил", ведущей к трансформации институтов, когда формальные правила в значительной мере замещаются неформальными и встраиваются в неформальные сетевые отношения [Радаев 2003: 135].

3. Коррупционные практики получают свое развитие с помощью социальных сетей в условиях дефицита возможностей влияния на принятие публичных решений. В этих условиях политико-административные решения превращаются в товар (административный рынок), который распространяется с помощью сетевого маркетинга, где сети являются каналами распространения бюрократических услуг. Как указывает Я. Карнаи [Карнаи 1990:454], дефицит автоматически порождает "серые" и "черные" рынки, а их функционирование и защита поддерживаются коррупцией. Таким образом, созданию механизмов теневой политики и экономики способствуют формы сотрудничества власти и бизнеса по смягчению неблагоприятной институциональной среды.

4. Эффект формирования *сет-центричной* картины мира, когда все практики членов социальной сети и оценки действий *других* осуществляются сквозь призму ценностей сети. Особенно ярко этот эффект проявляется в этнических сетях с их дозированной восприимчивостью к внешней культуре. Поскольку очагами сосредоточения иммигрантов являются, как правило, мегаполисы, то самобытные этнические культуры формируют что-то вроде осадного лагеря внутри чуждого им города — "город в городе". Так, сбежавшие от режима Ф.Кастро кубинцы оказались в США в ситуации не менее жесткого контроля, но теперь со стороны этнического сообщества, не допускающего

эрозии своих норм [Барсукова 2004: 145]. Члены сетевых структур политических партий демонстрируют неприятие иной точки зрения, и это — плата за ресурсы партийного членства и оказанное им "доверие".

Ошибочным было бы относить негативные моменты деятельности социальных сетей исключительно к незападным политическим системам. Они присутствуют и в развитых демократиях [см. напр. Greenaway, Salter, Hart 2007], хотя баланс позитивного/негативного в значительной степени зависит от характера и направленности развития политического режима. Семейные и соседские сети юга Италии, которые Р. Патнэм отнес к главным инструментам воспроизводства "аморальной семейноцентричности" и патрон-клиентарных отношений, в изменившемся политическом климате Второй республики, стали основой формирования "индустриальных округов" — скоплений средних, мелких и мельчайших фирм, связанных между собой множеством производственных и прочих нитей, играющих важную роль в формировании структур гражданского общества в данном регионе [Левин 2001: 347-349]. Влияние политического режима на сети обладает колоссальным инерционным эффектом. Сравнивая стратегии поведения граждан четырех стран (России, Украины, Чехии и Южной Кореи) в ситуациях поступления в университет, получения муниципального жилья и др., Р. Роуз выяснил, что 4/5 украинцев и россиян пользуются сетями, которые способны помочь в любой ситуации. "Пока неформальные сети удовлетворяют основные потребности, индивида не волнуют недостатки государственных организаций" [Роуз 2002: 33]. Автор полагает, что советский опыт более всего благоприятствует развитию квазисовременных сетей социального капитала, ссылаясь также на исследование Т. Ши [Shi 1997], который описал то, как в условиях недемократического режима китайцы добиваются достижения своих целей. "Девять десятых не принимали директивы правительства. Вместо этого индивиды формировали собственные сети для распределения товаров и услуг. Данные сети не использовались для изменения законов, что было и невозможно, и не нужно, потому что большинство китайских законов смутны. Индивиды использовали социальные сети, чтобы влиять на выполнение директив центра посредством 'антисовременных' тактик" [Роуз 2002: 36].

64

В подавляющем большинстве современных политико-компаративных исследований анализ и сравнение проводятся на уровне стран. Однако, обобщая российский опыт, ряд исследователей пришли к выводу, что социальный капитал, вероятнее всего, зарождается и отличается значительной монолитностью в меньших территориальных единицах. Это связано с тем, что в рамках отдельно взятого сообщества (или даже мелких его групп) формируются связи между людьми, возникают те незримые узлы доверия, которые считаются отличительным признаком социального капитала и социальной сплоченности [Petro 2001; Kennedy, Kawachi, Brainerd 1998: 237].

Российские регионы и территориальные сообщества внутри них отличаются значительным разнообразием социально-экономических, демографических и политических характеристик, влияющих на формирование и активность социальных сетей. В политических исследованиях последних лет проблематика социальных сетей в региональных политиках рассматривается в аспектах формирования социального и политического капитала региона [Заболотная 2008], особенностей сетей разных типов — экологических, инновационных, проблем-

ных, сетей "новых бедных" и др. [Яницкий б. г.; Морозова 2007; 2008], влияния сетей на электоральные процессы [Голосов, Шевченко 2000; Мирошниченко 2006]

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА (КЕЙС КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

На развитие социальных сетей в Краснодарском крае действуют факторы глобального уровня, такие как глобализация и информатизация общества, плюрализация общественных структур, падение авторитета традиционных политических институтов. К соответствующим факторам общенационального уровня следует отнести необходимость компенсации определенного институционального и нормативного вакуума, высокие риски "входа" на экономический и политический рынок. Наконец, отметим факторы, определяющиеся специфическими условиями исторического развития края и современным состоянием его социально-политического ландшафта: феномен "консервативного Юга", широкое распространение патрон-клиентарных связей, высокая предпринимательская активность населения, полиэтничный состав, притягательность для миграционных потоков. Край по численности населения занимает третье место среди субъектов Российской Федерации, а плотность населения в восемь раз превышает среднероссийский показатель — 67,5 чел. на 1 кв.км против 8,4 чел. в среднем по РФ, причем половина пятимиллионного населения — сельские жители. По мнению В.Колосова, юг России отличается сохранившимися плотными сетями межличностного взаимодействия [Колосов 2001]. Системообразующий социокультурный фактор региона — традиции исторического сознания, своеобразный историко-политический опыт сообщества, укоренившиеся ментальные установки поселенцев: самостоятельность, предприимчивость, нацеленность на жизненный успех.

65

За последние семь лет социально-экономическая ситуация в Краснодарском крае заметно улучшилась. Опережающее развитие получили сектора, которые играют роль общенациональных и региональных "точек роста". По данным российского агентства "Эксперт"², с 2006 г. Краснодарский край входит в число шести опорных регионов России (наряду с Москвой, Санкт-Петербургом, Московской, Свердловской областями и Ханты-Мансийским автономным округом), обладающих высоким инвестиционным потенциалом и умеренным инвестиционным риском.

Улучшились позиции края в экономическом пространстве Российской Федерации. По объему валового регионального продукта регион стабильно занимает 10-11 -е места среди субъектов страны и лидирует в Южном федеральном округе. Среднегодовой темп роста в течение последних шести лет - 106%, в 2004-2006 гг. - 109% [см. Социально-экономическое... 2006; Краснодарский... 2007]. В Краснодарском крае максимально упрощена процедура открытия бизнеса как для российских, так и для иностранных инвесторов. Одним из первых в России Краснодарский край создал систему сопровождения инвестиционных проектов по принципу "одного окна". Такая политика дает свои результаты и позволяет реализовывать в крае инвестиционные проекты ведущих мировых компаний: "Кнауф", "Клаас", "Филип Моррис", "Бондюэль", "Секаб",

"Вимм-Билль-Данн", "Метро Кэшэнд Керри", "Нестле", "Рэдиссон", "Тетра Пак" и других. Крупные инвестиции в экономику края осуществляются такими отечественными корпорациями как "Базовый элемент", "Интеррос", "Ренова", "Северсталь", "Система", "Лукойл", "Уралсиб" и др. [Терешина 2008].

К региону в значительной степени применима характеристика Р.Роуза: население в полной мере комбинирует современный рынок и квазисовременные сети, "с одной стороны, покупая часть товаров и услуг на рынке, а с другой — покупая услуги чиновников государственных учреждений или используя связи" [Роуз 2002: 33].

Методика нашего эмпирического исследования основывалась на глубинном интервью и *case-study*. Методом глубинного интервью проводился опрос респондентов, включенных в различные виды социальных сетей. Учитывая постоянные изменения объема и основных характеристик многообразных социальных сетей, действующих в социально-политическом пространстве Краснодарского края, мы не строили репрезентативной выборки, но, пытаясь следовать различным этапам ее конституирования, проводили отбор респондентов по основным представительным типам социальных сетей (местнические, этнические, мигрантские, профессиональные, сети НКО). С помощью интервьюирования через призму индивидуальных стратегий и жизненных практик были изучены механизмы реконверсии ресурсов в политический капитал, а также выявлены глубинные механизмы действия социальных сетей.

66

Метод *case-study* (изучены и интерпретированы десять кейсов сетей, относящихся к разным типам) позволил охарактеризовать казуальные механизмы формирования и функционирования политических ресурсов сети и способов ее позиционирования в региональном политическом пространстве. Создание кейсов предполагало включение в исследовательский арсенал разнообразных методов сбора информации: интервьюирование представителей социальной сети, включенное наблюдение, анализ документов и Интернет-ресурсов, контент-анализ прессы.

Отобранные нами в ходе исследования кейсы позволяют продемонстрировать не только возможности конвертации социального капитала в политический, но и дифференцировать позитивные и негативные экстерналильные эффекты политических практик определенных видов сетей.

Кейс 1. Сеть "Родительство".

Является виртуально-реальной социальной сетью, которая возникла на Интернет-форуме kuban.ru на ветке "Родительство" в 2002 г., где постоянные участники форума обменивались информацией, связанной с воспитанием детей. Сеть объединяет в себе разноресурсные группы родителей - жителей Краснодарского края, которые имеют возможность выхода в Интернет, преимущественно по месту работы. Впоследствии контакты были перенесены в реальную жизнь, упорядочены и выстроены на системной основе. За последние шесть лет сеть получила дальнейшее развитие по двум направлениям. Первое представляет собой оптимизированный вариант информационного взаимодействия родителей в Интернет-пространстве посредством функционирования сайта "Мама в сети" (www.maminsait.ru). На сегодняшний день данный сайт насчитывает 2564 постоянных пользователей (которые имеют собственные страницы на сайте) и выходит за рамки региона. Охват

аудитории обширный: достаточно отметить, что постоянные модераторы форумов являются жителями Нижнего Новгорода и Дальнего Востока.

Второе направление, связанное с благотворительной деятельностью, из обсуждений на форуме тем о брошенных детях и ситуациях в детских домах переросло в создание и развитие НКО — Краснодарской региональной общественной организации "Вторая мама". Организация осуществляет свою деятельность на территории Краснодарского края в виде реализации различных проектов и в Интернет-пространстве. Посещаемость электронного ресурса, в котором, например, размещена база данных детей, ищущих родителей, насчитывает около 2500 пользователей ежедневно. Гражданская структура на данный момент включена во всероссийскую сеть НКО, направленных на защиту прав материнства и детства, и функционирует на основе фантовой поддержки Общественной палаты РФ.

Кейс 2. Кадетская сеть.

Региональная сеть кадетов объединяет выпускников Кавказского Краснознаменного суворовского военного училища (1943-1968 гг.). За 25 лет своего существования КК СВУ четырежды реорганизовывалось, и столько же раз менялось его название. За это время был произведен 21 выпуск (около 2000 чел.) суворовцев, которые поддерживают связи друг с другом. Сеть выходит за территориальные границы региона, так как большинство суворовцев продолжили свою учебу в различных военно-учебных заведениях, на командных, политических, штабных и педагогических должностях. Второе рождение училища произошло в 2000 г. не без помощи бывших выпускников. Один из них - полковник Юрий Мангаров, выпускник последнего года выпуска (1968) - стал начальником училища. Тесные связи между суворовцами поддерживаются не только на уровне выпусков одного года, но и между поколениями.

67

Однако кавказская кадетская сеть по своим качественным характеристикам почти не отличается от всероссийской кадетской сети, которая охватывает бывших воспитанников специальных военных школ, суворовских, нахимовских училищ и современных кадетских корпусов. Последняя имеет давние практики сетевого взаимодействия, восходящие к традициям российского кадетского образования и воспитания, насчитывающим почти 300 лет. Сеть институционализована в многочисленные кадетские общественные организации, в том числе и международные. Самая крупная из них — Международная Ассоциация суворовских, нахимовских и кадетских объединений "Кадетское братство", включающая 71 организацию, среди которых 32 региональных и 5 общенациональных объединений. Обобщая программные документы сети организаций кадетского движения, можно выделить следующие политические ориентиры: социальная и правовая защита кадетов, военно-патриотическое воспитание молодого поколения граждан России; совершенствование системы национального профессионального военного образования; создание системы кадетского образования как начального профессионального образования государственной службы; оказание помощи учреждениям кадетского образования и увеличение их сети; исторические исследования и культурно-просветительская деятельность; осуществление представительских функций в органах власти и институтах гражданского общества.

Кадетская сеть широко задействована во всех властных уровнях системы государственного управления в России, а официальным шефом-попечителем кадетов России является Председатель Совета Федерации С.Миронов. Кадеты

представлены в силовых ведомствах РФ — МЧС, МО, МВД и многих других. На уровне Краснодарского края кадеты также активно рекрутируются в силовые структуры и региональные органы законодательной и исполнительной власти. Так, А.Шишков в течение нескольких лет представлявший Краснодарский край в качестве члена Совета Федерации, на сегодняшний день выполняет функции первого заместителя Международной ассоциации "Кадетское братство".

Кейс 3. Сеть российских немцев.

К российским относятся немцы, которые родились в России, в пределах границ СССР по состоянию на 1937 г. Это определение распространяется также на лиц, проживавших длительное время на обозначенной территории и заявивших о своей идентичности с народом российских немцев. Поэтому краснодарская региональная сеть охватывает не столько коренных жителей Кубани, сколько разнородные мигрантские группы из бывших республик СССР, объединенные общей идентичностью. Региональная сеть российских немцев включает более 18 тыс. чел.

68 Основной целью многих российских немцев на протяжении длительного времени является переезд в Германию, это стало одной из причин создания различных организаций. Отличительной характеристикой сети является ее высокая степень институционализации. На современном этапе этническая сеть российских немцев представлена совокупностью различных общественных организаций, оказывающих социально-экономическую помощь представителям данной этнической группы, а также содействующих восстановлению и развитию их национального языка и культуры. В целом она является частью глобальной сети подобных структур, функционирующих на всей территории России, бывших республик СССР и Германии.

Кейс 4. Проблемная сеть "Реконструкция центра Краснодара".

Краснодар — один из крупнейших городов юга России³. В 2005 г. администрацией города было принято стратегическое решение о реконструкции центральной части Краснодара. В зону реконструкции вошли 274 квартала с населением около 250 тыс. чел. Основные участники ситуации — население, администрация города и крупнейшие инвесторы - сформировали проблемную сеть, отличающуюся всеми видовыми признаками: конфликтность, подвижность, асимметрия ресурсов, консультации как основа отношений, существование "барьера компетентности", большое количество участников с ограниченной степенью взаимозависимости.

Интересы населения состоят в улучшении жилищных условий, соблюдении прав собственников и максимальной информационной открытости проекта, получении нового жилья в центральной части города. Интересы администрации муниципального образования — в реконструкции центральной части, развитии инфраструктуры, увеличении объемов вводимого жилья, строительстве нового жилого района для отселяемых из ветхого фонда, изменении имиджа города. Интересы инвесторов — в обеспечении стабильности бизнеса и его развития, получении новых площадок под застройку, росте спроса на жилье. Каждый из участников имеет еще и латентные интересы:

³ На 1 января 2006 г. его численность составляла 779,7 тыс. чел., 7 прилегающих муниципальных образований расположены на расстоянии транспортной доступности от города и вместе с ним составляют агломерацию с населением более 1 млн. 200 тыс. чел.

например, отселяемые граждане стремятся получить максимальную компенсацию за ветхое жилье, а администрация стремится с помощью целевой программы "Краснодару — столичный облик" повлиять на свой рейтинг.

КОНВЕРТАЦИЯ РЕСУРСОВ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Под политическим капиталом понимается инкорпорированная способность к мобилизации коллективных действий и участию в этих действиях, способность субъекта репрезентировать интересы других агентов, которые делегируют ему права на представительство своих интересов [Радаев 2002]. Как и другие виды капитала, политический капитал может существовать в трех формах: инкорпорированной (способности, диспозиции, опыт, имидж др.), объективированной (организационные, материальные и финансовые ресурсы, находящиеся в распоряжении) и институционализированной (структуры лидерства, элиты и другие элементы политической стратификационной системы). Формальные и неформальные политические практики в равной степени освоены участниками социальных сетей в процессе конвертации политического капитала (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды политических практик	Формы политического капитала социальных сетей как результат конвертации собственных ресурсов		
	Объективированный	Институционализированный	Инкорпорированный
Формальные	Финансовая поддержка; Передача в управление собственности; Информационные ресурсы (печатные и электронные); НКО.	Голосование; Агитация; Публичные акции; Протестные акции; Информационное давление; Содействие другим организациям, в том числе и политическим; Межсетевое взаимодействие.	Способности участников сетей; Компетентность в различных сферах; Имиджевые и символические ресурсы.
Неформальные	Финансовая поддержка, оказываемая в обход закона.	Рекрутирование элит по земляческому, этническому и пр. признакам; Информационное давление; Связи; Лоббизм; Коррупция.	Имиджевые ресурсы, используемые в манипулятивных технологиях.

Самой распространенной формой политического капитала исследованных социальных сетей является институционализированный. Соответствующие формы политического капитала дают дальнейший импульс развитию сетей и возможность с помощью собственных лидерских структур артикулировать, агрегировать и позиционировать собственные интересы в сфере публичной политики. Например, в родительской сети такую роль выполняют, с одной стороны, модераторы сайта "Мама в сети", с другой - руководители Краснодарской региональной общественной организации "Вторая мама", которая в большей степени ориентирована на публичные акции. Основная цель сетевого проекта "Чужая история" — адресная помощь семьям, взявшим на воспитание приемного ребенка или воспитывающим ребенка-инвалида, и семьям, попавшим в

кризисную ситуацию. При этом собственно финансовая поддержка сочетается с использованием: информационных ресурсов Интернет-сайтов (*"Здесь Вы можете почитать истории семей, которым уже помогли"; "Вы можете почитать истории семей, которым нужна Ваша финансовая помощь", "Если Вы и Ваши знакомые нуждаются в финансовой помощи, пишите"*). В итоге только в 2008 г. помощь была оказана семи детям на общую сумму около 600 тыс. рублей.

Ярким примером конвертируемости ресурсов в различные институционализованные формы политического капитала является проблемная сеть "Реконструкция центра Краснодара". Поскольку ни один из ее участников не может реализовать свои интересы без одобрения/согласия остальных, совместными действиями были предприняты меры, повышающие прозрачность проекта и создающие основу для постоянных консультаций сторон. Так, инициативная группа граждан "Прожектор реконструкции", проводит информационный мониторинг проекта; администрация, в свою очередь, инициировала проведение публичных слушаний, открыла специальное подразделение в структуре аппарата, первые лица города регулярно организуют "горячие линии" для граждан; инвесторы открыли общественные приемные в своих корпорациях, проводят встречи с гражданами в кварталах, отнесенных к зоне реконструкции, ведут активную PR-кампанию через публикации в СМИ, листовки и буклеты для населения.

70 К неформальным практикам конвертации политического капитала относится рекрутирование элит на основе персонифицированных связей, лоббизм, коррупция. Так, влияние кубанского землячества осуществляется, прежде всего, посредством рекрутирования политической и административной элит. Кубанские группировки формировались везде, где появлялся хотя бы один из ее представителей - от Ставрополя до Дальнего Востока. Достаточно вспомнить назначение в мае 2000 г. первых семи полпредов Президента в федеральных округах: К.Пуликовский, ставший полпредом на Дальнем Востоке, пополнил кадры своего аппарата, прежде всего, представителями кубанского истеблишмента. Когда на Алтае губернатором стал М. Евдокимов, то за ним приехали кадры с Кубани: бывший вице-губернатор Л.Баклицкий и опытный чиновник Н.Ермолов. Краснодарский след оставили в Москве и бывшие первые секретари крайкома КПСС В.Воротников (возглавлявший Совмин РСФСР), И.Полозков (руководитель ЦК компартии РСФСР), а также выходец из краснодарского ЗИПа В.Шумейко (в 1993-1995 являлся председателем Совета Федерации) [Груба 2008]. Мобилизация и использование связей в органах государственного и муниципального управления позволяет представителям социальных сетей с помощью неформальных практик решить личные проблемы. Приведем в качестве примера выдержку из интервью с респондентом, представляющим грузинскую диаспору в г. Сочи: *"Все близкие живут в Сочи, хоть и приехали из разных мест. Из Грузии у меня много друзей и родственников. В жизни все почти хорошо устроены, работают в основном на частных предприятиях или занимаются своим бизнесом. Мне нравится дружить с успешными людьми... Естественно, а как, Вы думаете, я в банк попала? Если есть возможность помочь своему родственнику, то почему бы и нет? Все почему-то стесняются признаться в этом. Когда я была совсем маленькой, у моего папы случились проблемы с бизнесом. И если бы в тот момент мой дядя не помог и денежно, и своими связями в администрации, нас бы просто разорили. С тех*

пор папа говорит, что он в неоценимом долгу перед братом. Но мне, кажется, что это лишнее. Папа поступил бы точно также. Надо просто уметь становиться наместо другого человека, оказавшегося в беде. Ведь если он обратился за помощью именно к тебе, значит, он не чужой и надеется на тебя".

Сетевые структуры, имеющие объективированный политический капитал в виде некоммерческих организаций, используют практику лоббирования законопроектов. Сеть кадетов, пропагандируя собственные принципы воспитания™ молодежи и ценности патриотизма, идеологически и организационно поддерживает образовательные учреждения не только в кадетских корпусах, но и путем создания военно-патриотических клубов, объединяя свои усилия с казачеством. Например, развитие образовательных учреждений кадетско-казачьей направленности было осуществлено путем лоббирования в Законодательном Собрании Краснодарского края закона "Основные направления государственной политики по улучшению положения детей в Краснодарском крае на 2003-2010 гг."

На форуме "Мама в сети" была актуализирована проблема нехватки мест в детских садах. Впоследствии усилиями родителей-чиновников, представляющих органы государственного и муниципального управления, в качестве шага по развитию социального партнерства бизнеса и власти, была пролоббирована краевая программа "Поддержка частных детских садов в Краснодарском крае". В беседе руководитель структуры управления образованием так прокомментировала качество информационного ресурса родительской сети: "Если я хочу узнать, какие проблемы существуют в детских садах нашего города и насколько хорошо работают мои воспитатели, то я захожу на родительские форумы... Там всегда очень оперативно размещают информацию, особенно негативную..."

21

Этническая сеть российских немцев использовала практику лоббирования для преодоления последствий политических репрессий по национальному признаку и создания правовых основ для их национального возрождения, как одного из народов Российской Федерации. Для реализации данных целей представителями организаций предпринимались попытки внесения в Государственную Думу РФ законопроекта "О реабилитации российских немцев". Законопроект рассматривался, но не был принят в качестве закона, однако была принята Федеральная целевая программа развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997-2006 гг., продленная позднее до 2011 г.

Одной из самых распространенных форм заемного политического капитала социальных сетей является электоральная поддержка: как агитацией, так и голосованием. В электоральном пространстве идет интенсивный обмен инкорпорированными формами политического капитала: кандидаты нередко заявляют, что их поддерживают те или иные социальные сети, в том числе административные. Декларируемая принадлежность к "команде Кондратенко" или к "команде Ткачева" была беспроигрышным приемом во всех региональных и местных кампаниях на протяжении последних лет. В связи с этим вспоминается анекдотический случай: один из кандидатов в представительный орган местного самоуправления, которому так и не удалось сфотографироваться вместе с "батькой", поместил на листовке фотографию себя самого, благоговейно смотрящего на портрет тогдашнего губернатора.

Активно используются способности журналистов — членов сети "Родительство" (создающих, причем совершенно бескорыстно, большинство

информационных продуктов), а также юристов, входящих в сеть российских немцев (консультирующих партнеров сети в других регионах, которые испытывают трудности с регистрацией своих общественных организаций).

В свою очередь, сети предоставляют своим участникам различные виды ресурсов. Во-первых, — эмоциональную поддержку, сочувствие, сопереживание: *"я здесь стал чувствовать себя человеком"* (мужчина, 49 лет, Армавир), *"Приходя сюда, в общину, все неприятности остаются за спиной, потому что здесь теплые отношения и поддержка..."* (женщина, 35 лет, Краснодар). Во-вторых, — ресурсы символической поддержки: в каждом городе сетью российских немцев организуются курсы изучения немецкого языка и культуры, посещение которых является одной из главных целей членов этого сообщества. Кроме того, таким способом российские немцы обмениваются различной информацией, в т.ч. неформальными услугами: *"да, мы оказываем друг другу помощь: я вот, например, работаю в банковской сфере, и при случае всегда помогаю, чем могу. Те, кто работают в других сферах... преподаватели, таксисты — тоже..."* (женщина, 29 лет, Армавир). Еще один поток ресурсов — материальные, они не являются доминирующими и проявляются как предоставление небольших денежных сумм на неопределенное время: *"...эти вопросы вообще не обсуждаются, если у меня есть, почему тебе не дам? — вернешь, когда будет..."* (девушка 17 лет, Горячий Ключ), обмен детскими вещами в сети родителей. Председатели Обществ российских немцев оказывают существенную помощь в сборе необходимой информации и документов. Кроме того, они на основе своих неформальных контактов они решают проблемы немцев с органами власти: *"...иногда у людей бывают проблемы: приезжает человек, вот из Казахстана, не знает закон, все сроки у него вышли... какие вопросы? У меня их за два часа зарегистрировали..."* (председатель одного из обществ). Организации российских немцев тесно взаимодействуют между собой *"ТВпомог нам здесь оформить общество, решить вопросы с Юстицией..."* (председатель одного из обществ), а также с другими общественными организациями, в т.ч. и этническими: *"...Нураньше были конфликты всякие на Кубани, сейчас мы участвуем в их разрешении: то немец кого-то побил, то немца кто-то побил... Ну вот устраиваем всякие круглые столы, обсуждаем, объясняем людям, что какая разница, кто ты: если ты человек, то ты — человек"* (председатель одного из обществ). Осуществляется также обмен материальными ресурсами: *"...адыгейская община непосредственно помогла оборудовать помещение, они помогли нам с мебелью..."* (женщина, 29 лет, Армавир).

72

Однако, сети "новых бедных", обладая значительным социальным капиталом, крайне редко конвертируют его в политический капитал. Их сетевые стратегии можно охарактеризовать как стратегии выживания⁴, а социальный капитал носит исключаяющий характер. Его накоплению и конвертации в другие виды капитала препятствует дефицит доверия внутри сети.

Основными участниками региональной инновационной сети, которую можно отнести к проблемным, являются ученые, управленцы, связанные с реализацией инновационной политики, предприниматели, ориентирующиеся на венчурный бизнес, а также представители различных учреждений

⁴ Социологи дали блестящий образец эмпирического изучения этой стратегии, кстати, на примере сельских сетевых структур Краснодарского края [Виноградский и др. 2002].

научной инфраструктуры - фондов, технопарков и пр. Дефицит доверия между участниками, как барьер на пути представительства интересов сети, был зафиксирован во многих интервью: *"Эти подставки друг друга на каждом углу, кого-то выбросить, кого-то бросить — они же у нас процветают. Ученые боятся отдать какому-то инвестору, который их проглотит и выбросит"*.

Политический капитал тесно связан с административным, но последний, мобилизуя вертикальные связи, воплощается в организационных иерархических структурах и связан с корпоративной стратификационной системой. Заметим, что в зависимости от политической ситуации эти виды капитала могут находиться в разных соотношениях. Если пресловутый "административный ресурс" становится единственным из политических ресурсов в конкретной ситуации, то говорить о разделении видов капиталов можно с большой степенью условности.

Особенностью региональных и муниципальных выборов в Краснодарском крае в течение нескольких электоральных циклов является интенсивное использование административного ресурса (А-ресурса), который определяется российскими исследователями как совокупность имеющихся в распоряжении руководителей предприятий и/или территориальных образований (районов, городов) возможностей повлиять на мнение и поведение избирателей [Воронцова, Звоновской 2003: 114]. По мнению Г.В.Голосова, истоки А-ресурса восходят к традиционной для патерналистски настроенных россиян готовности подчиняться "начальству", которая создает "атмосферу, благоприятствующую реализации электоральных амбиций местных нотаблей" [Голосов, Шевченко 1999:109]. Но эффективность А-ресурса максимальна в тех регионах, где плотность социальных сетей высока, что обеспечивает успех на выборах преимущественно "начальства".

73

Однако в течение трех электоральных циклов изменился характер и объем партийно-идеологических и организационных составляющих А-ресурса. Электоральные циклы 1996-2000 гг. в Краснодарском крае определялись влиянием харизматического губернатора Н.Кондратенко и движения "Отечество", которое он возглавлял. Идейно вдохновленное им членство и выдвижение кандидата от "Отечества" автоматически обеспечивало "проходимость" кандидата на региональном и местном уровнях. При этом внутри движения, не без участия губернатора, проводился отбор безальтернативных кандидатов, то есть при наличии внутриэлитного согласия А-ресурс "работал" в рамках данного округа или района только на одного из кандидатов. В периодическом печатном издании "Голос Отечества" руководство публиковало "списки кандидатов" от движения, которые впоследствии определяли электоральный выбор жителей Кубани. Благодаря такой практике, например, из 50 депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края в 1998 г. 48 оказались представителями движения "Отечество". Аналогичным способом "легитимировали" и глав районов.

А.А.Галкин выделяет три группы политического капитала по уровню устойчивости, в зависимости от происхождения. Первую составляет политический капитал, уходящий корнями в сложившиеся веками традиции и подпитываемый устойчивыми верованиями⁵. Ко второй группе отнесен капитал, связанный с институционально-бюрократическими режимами постмонархического типа — он обла-

⁵ Такого рода капитал могут продуцировать и современные социальные сети, в формировании которых велика роль традиционных устоев.

дает меньшей, но достаточно высокой устойчивостью. Капитал третьей группы автор, следуя П.Бурдые, называет заемным политическим капиталом — в его основе лежит кредит доверия общества различным политическим силам. "Заемный политический капитал может быть рациональным, основанным на взвешенной оценке возможностей новой политической силы, или иррациональным, отражающим лишь неприятие существующих порядков и стремление к переменам, вне зависимости от их содержания. Однако в обоих случаях это, прежде всего, аванс, который нуждается в закреплении. Естественно, что такой капитал наименее устойчив. При благоприятных обстоятельствах получить его сравнительно несложно. Несравнимо сложнее удержать его" [Галкин 1998: 25].

"ДОСТРОЙКА МЕТАФОРЫ"

Во всех изученных кейсах социальные сети продемонстрировали способность к конвертации социального капитала в политический. Этот политический капитал может инвестироваться собственно в сети ("сетевой заемщик") для представительства и защиты своих интересов. Он также может инвестироваться в организации и персоны за пределами сети ("внесетевой заемщик") с теми же целями, но с разными перспективами получить отдачу от предоставленного кредита. В обоих случаях мотив общий - снижение транзакционных издержек. Неэффективное использование инвестиций внесетевым агентом может привести к смене "заемщика" или к действиям сродни мошенничеству, когда сети предлагают один и тот же ресурс нескольким внесетевым заемщикам одновременно. Чем большим объемом ресурсов обладает социальная сеть, тем ответственнее поведение доверителя. Сокращение поля публичной политики актуализирует неформальные механизмы конвертации капиталов. Какие политические субъекты расцениваются сетью как инвестиционно привлекательные? Что понимать под благоприятным инвестиционным климатом? — Возможности развития метафоры очень велики...

74

За рамками нашего исследования остались и вертикальные сети, чаще всего институализирующиеся в интегрированные финансово-промышленные группы [Динелло б.г.; Перегудов 2006]. Чрезвычайно перспективным представляется и сюжет, связанный с производством политического капитала сетями Интернет-пространства [Киселев, Самаркина 2007]. Слабо изучены пока механизмы и эффекты межсетевого взаимодействия.

Модель конвертации социального капитала в политический нуждается в дальнейшей концептуализации на основе преодоления разрыва между теоретическим моделированием и эмпирическими исследованиями. Политическая компаративистика, как "теория среднего уровня", как никакая другая суботрасль политической науки, способна решать эту задачу, накапливая знания о функционировании социальных и политических сетей в различных политических контекстах.

Алексеев Е.С. 2007. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей. - *Полис*, № 3.

Барсукова С.Ю. 2004. *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ*. М.

Блом Р., Мелин Х., Сарно А., Сарно И. 2005. Социальный капитал доверия и менеджерские стратегии. — *Мир России*, № 2.

Бурдые П. 1993. *Социология политики*. М.

- Воронцова А.Б., Звоновской В.Б. 2003. Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса. — *Полые*, № 6.
- Виноградский В.Т., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П. 2002. Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет. — *Социс*, № 1.
- Галкин А.А. 1998. Дефицит политического доверия и пути его преодоления. — *Власть*, № 11.
- Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. 1999. Независимые кандидаты и зависимые избиратели: влияние социальных сетей на электоральную политику в России. — *Полис*, № 4.
- Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. 2000. *Факторы электорального успеха в одномандатных округах. — Первый электоральный цикл в России*. М.
- Градосельская Г.В. 2004. *Сетевые измерения в социологии: учебное пособие*. М.
- Груба И. 2008. Земляк в политике — это профессия? — *Краснодарские известия*, № 168.
- Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество. — <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm>
- Заболотная Г.М. 2008. Социальный и политический капитал гражданского общества в условиях посткоммунистического перехода: региональный аспект. — Сунгуров А.Ю. (ред.) *Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия*. М.
- Карнаи Я. 1990. *Дефицит*. М.
- Кертман Г. 2006. Межличностное доверие в России. — *Социальная реальность*, № 4.
- Киселев А.А., Самаркина И.В. 2007. *Интернет: модель и практики политического участия*. Краснодар.
- Колосов В.А. 2001. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края. — *Полис*, № 2.
- Коулман Дж. 2004. Капитал социальный и человеческий. — *Общественные науки и современность*, № 4.
- Краснодарский край. 1939-2007. Юбилейный статистический сборник*. 2007. Краснодар.
- Левин И.Б. 2001. Италия после Первой республики. — *Политические институты на рубеже тысячелетий*. Дубна. 75
- Лукин В.Н. 2005. *Гражданское общество в глобальном мире*. М.
- Мирошниченко И.В. 2006. Формирование политической субкультуры: социальные механизмы и уровни субъектности социально-профессиональных групп в политике. — *Человек. Сообщество. Управление*, № 4.
- Морозова Е.В. 2007. Сетевые стратегии "новых бедных". — *Демократия и управление*, № 1 (3).
- Морозова Е.В. 2008. Проблемные сети в государственном и муниципальном управлении — *Демократия и управление*, № 1 (5).
- Панов П.В. 2006. Институционализм рационального выбора. — *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России*. М.
- Патрушев С.В. (ред.) 2006. *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России*. М.
- Перегулов С.П. 2006. *Крупная корпорация как субъект публичной политики*. М.
- Радаев В. В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. — *Экономическая социология*. Т. 3, № 4.
- Радаев В. В. 2003. *Социология рынков: к формированию нового направления*. М.
- Роуз Р. 2002. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России. — *Общественные науки и современность*, № 3.
- Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. 1998. *Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения*. М.
- Сморгунов Л.В. (ред.) 2005. *Государственная политика и управление*. М.
- Социально-экономическое положение Краснодарского края*. 2006. Краснодар.
- Терешина М.В. 2008. *Формирование инвестиционной привлекательности региона с учетом экологических факторов*. Краснодар.
- Твигг Дж.Л. 2003. Социальный капитал в регионах России. — *Социальный капитал и социальное расслоение в современной России*. М.

- Чудинов А.П. 2001. Финансовая метафора в современной политической речи. - *Известия Уральского гос.пед.университета. Лингвистика*, вып.7.
- Шматко Н.А. 1997. *Конверсия бюрократического капитала в постсоветской России*. М.
- Яницкий О. Структура региональных политических сетей. — <http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik6/6Janits.htm>
- Berman S. 1997. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic. — *World Politics*, vol. 49.
- Greenaway J., Salter B., Hart S. 2007. How Policy Networks can Damage Democratic Health: A Case Study in the Government of Governance. — *Public Administration*, vol. 85.
- Kennedy B., Kawachi I., Brainerd E. 1998. The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis. — *World Development*, vol. 26.
- Krishna A. 2002. Enhancing Political Participation in Democracies: What is the Role of Social Capital? — *Comparative Political Studies*, vol. 35, № 4.
- Levi M. 1996. Social and Unsocial Capital. - *Politics and Society*, vol. 24.
- Petro N. N. 2001. Creating Social Capital in Russia: The Novgorod Model. - *World Development*, vol. 29.
- Rose R. 2000. How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russian. — *Social Science & Medicine*, vol. 51.
- Shi T. 1997. *Political Participation in Beijing*. Cambridge.

Статья выполнена в рамках проекта № 06-06-96679 программы "РФФИ-Юг".